

ся вместе с орудийными ударами. В этот день музыке Прокофьева оркестровала история.

«Пришел какой-то общий для всех рубеж..., — писал об этом событии Святослав Рихтер, — и для Прокофьева тоже...

В Пятой симфонии он встает во всю величину своего гения. Вместе с тем там время и история, война, патриотизм, победа... Победа вообще — и победа Прокофьева. Тут уж он победил окончательно. Он и раньше всегда побеждал, но тут как художник он победил навсегда.

Это свое сочинение Сергей Сергеевич и сам считал лучшим.

После этого Прокофьев становится композитором «в возрасте». Началось последнее действие его жизни. Так чувствовалось в музыке. Очень высокое. Может быть, самое высокое... Но последнее...»

В январе 1945 года произошел несчастный случай: Прокофьев упал, получив сильное сотрясение мозга. Затем началась жестокая гипертония. В течение нескольких месяцев длится тяжелейшее состояние больного. Он без движения, временами теряет сознание. Потом организм, наконец, справляется.

Весна, та победная весна, приносит выздоровление. Санаторий, Дом творчества летом...

О той же Пятой симфонии Рихтером было сказано: «Он оглядывается с высоты на свою жизнь и на все, что было».

Он подводит

Итоги сделанному

За десятилетие Прокофьев написал музыкальную сказку; музыку к кинофильмам и нескольким театральным спектаклям; две кантаты; сонату для скрип-



ки, флейтовую и три сонаты для фортепиано; квартет; симфонию, несколько оркестровых сочинений малых жанров; два сочинения для хора с оркестром; две крупных оперы и балет; несколько циклов романсов и песен, а также обработки двенадцати русских народных песен. Последняя работа, заметим вкратце, особенно наглядно убеждает, сколь глубоки были у Прокофьева национальные истоки творчества, сколь была близка ему по духу русская народная музыка.

Александр Невский. Именно это величественное полотно в первую очередь позволяет сравнить искусство Прокофьева с творениями великих мастеров древнерусской фресковой живописи или архитектуры. Размах этой эпической музыкальной картины как бы обнимает бескрайние просторы Руси, проникает сквозь столетия, становится всеобщим, нетленным символом патриотической идеи. Воплощена эта идея без плакатного упрощения, но обобщенными мазками именно фрескового стиля, когда детали не дробят впечатления от целого. Семь частей кантаты и воспринимаются в этом спаянном единстве. Первая часть — «Русь под монгольским игом» — экспозиция, в которой создается гнетущее ощущение тягостного, опустошенного состояния Русской земли. Слуховое восприятие разреженных, медленных, тягучих звучаний высоких и басовых духовых, без заполненного среднего регистра, создает реальное чувство пустоты, выжженности, бесплодия. Нет свободы — нет воздуха, нечем дышать. Вторая часть разом снимает ощущение безысходности. Суровый, архаично звучащий хор поет «Песню об Александре Невском»: «А и было дело на Неве-реке». Мужественность, неторопливость напева несет заряд несокрушимой уверенности. Более динамична, как бы пронизанная молодецкой удалью, середина, где поют тенора: «Не уступим мы землю Русскую...»

Третья часть — «Крестоносцы во Пскове». Если первая часть рисовала картину статичную, то здесь как будто ворочается густая лава, клубится дым — тянется с тупым однообразием и механической угрозой католический хорал. Стоны скрипок, вихри оркестра, тупая поступь хорала, колокольные удары — все полно экспрессии, неразрешенных предчувствий. «Разрешение» наступает в четвертой части: хор «Вставайте, люди русские» являет динамичный, набатный контраст картине вражеского стана. Женщины запевают плавное «На Руси родной, на Руси большой не бывать врагу» (прекрасная мелодия чисто народного склада, но принадлежащая перу композитора). И вот батальная сцена: «Ледовое побоище». Все — ожидание, все — угроза, все — неизвестность... Лязги, шорохи — и начинается скок дикого неповоротливого зверя — скок рыцарей. Ревут басы. Призывает фанфара. Накладываются друг на друга перебивки ритмов, звучит хорал, но против всего этого злого нашествия выступает стремительность, легкость, открытая активность русской атаки, перекрывающей неудержимым потоком весь этот тяжелый мрак, — и он тонет, рушится, уходит под хруст озерного льда. Битва сделана так, что слышно, как перемещаются в оркестре звуковые массы. Итог подводит тема: «Не бывать врагу...» А затем низкий женский голос поет среди мертвого поля скорбную песнь: «Я пойду по полю белому... поищу я славных соколов...» Напев этот сравним с тем, что было написано для женских партий Мусоргским в «Хованщине» или Бородиным в «Князе Игоре». Седьмая часть — подобный глинкавский героическим хорам апофеоз: «Въезд Александра Невского во Псков». Здесь звучат колокольные звоны, слышны темы предыдущих хоровых песен, возникает скоморошья пляска, и на фоне ликующих колоколов хор провозглашает величальную славной победе над врагом.